

Рос. газета. - 2000. - 16 марта. - с. 8

Горит, горит его звезда!

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

19 марта исполняется 70 лет со дня рождения выдающегося оперного певца России Бориса Тимофеевича ШТОКОЛОВА, чей великолепный голос вписан золотыми буквами в реестр великих русских басов. В канун юбилея артиста у него в гостях побывал наш собственный корреспондент.

В СЕВЕРНОЙ столице этот дом на Петровской набережной называют дворянским гнездом. Под его крышей жили великие Товстоногов и Лебедев, здесь сочиняет свою чудную музыку Андрей Петров... В ожидании лифта в любом подъезде этого дома можно встретить самых именитых деятелей культуры Петербурга. В одной из квартир четвертого этажа живет Борис Тимофеевич Штоколов. По праву говорят, что его истинно русский голос, как никакой другой, выражает характер русского народа, его удачу и талант.

...Борис Тимофеевич задержался у окна, глядя на величественную панораму города, Неву, Троицкий мост, Летний сад, и как-то прочувствованно признался:

— Сколько тут живу, а привыкнуть к этой красоте не могу. До чего же прекрасен наш город! Возвращаясь домой, всегда у окна постою, словно сил набираюсь от этой панорамы.

— Борис Тимофеевич, на пороге своего 70-летия вы, как и прежде, необыкновенно заняты, и здесь, дома, заставить вас крайне сложно. Сегодня утром вернулись из Москвы, а через два дня, говорят, снова уезжаете. Концерты?

— Это, поверьте, не совсем так. Увы, мой голос, который, кстати, звучит не хуже чем прежде, оказался сегодня неостребованным — сольных концертов практически нет, а для меня пение — смысл жизни. Но я не бездельничаю, много времени ушло на запись лазерного диска, в нем 20 произведений, столь любимых моими слушателями: "Малиновый звон", "Живет моя отрада", "Полюшко", "Ямщик, не гони лошадей". Однако тираж пока не напечатан: о причине догадаться нетрудно. Нынешняя жизнь для меня неимоверно сложна: на настоящее искусство денег нынче не дает никто.

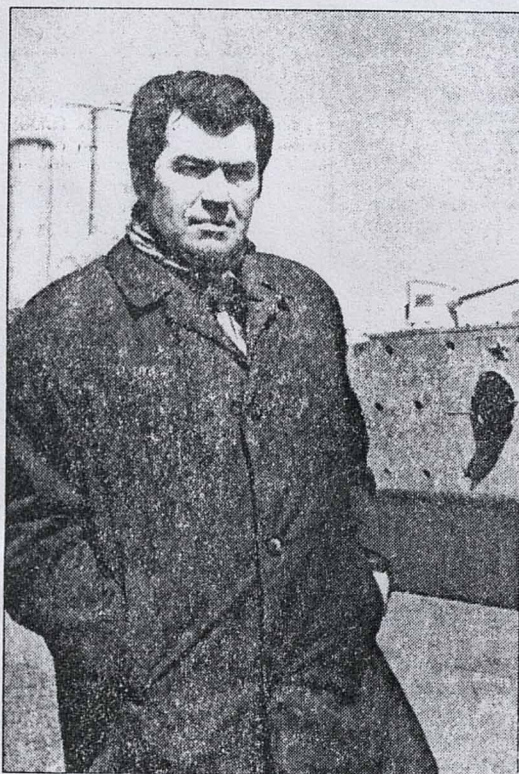
Смотрите, кто только не выпускает сейчас лазерные диски, а у меня с одним-единственным — проблема... Я пою классику, великие русские романсы, но оплатить оркестр для записи даже одного диска — просто немислимо! Поэтому я записывался лишь с баянистом и пианистом, которые, поверьте, не получили ни копейки! Забвение для артиста — самое страшное, тем более, когда у тебя еще столько сил... Кому дело до того, что у тебя есть голос, когда нет спонсоров... Ныне деньги дают под иные голоса, иные песни, а от этого становится просто жутко. Спасение вижу в учениках, в занятиях с ними, в их успехах. Счастье выйти на сцену выпадает теперь редко, но мир не без светлых людей. Да, я действительно через два дня лечу на Север, в города Мирный и Ленск. Будет там два концерта, спую для тех, кому дорого настоящее искусство.

— Вы сказали о своих учениках. У вас большой класс?

— Нет. В консерватории я не преподаю, там Штоколов не нужен. Учу петь ребятшек здесь, дома, вот в этой комнате. Смотрите, у меня тут даже специальная схема гор-тани для них нарисована. Моим се-

годняшним ученикам от 11 до 17 лет. Они у меня учатся ставить дыхание, я с помощью специальных упражнений делаю им из глотки рупор, кратер, как у Шаляпина или Карузо!

Помню, в консерватории преподаватель дает мне ноту "ми". Представляете, что это для баса? Я ору, а он говорит: "Вы пойте, а правильное дыхание само придет!". И сегодня там то же самое происходит... Но Карузо еще в 1908 году говорил: "Само не придет". Его я считаю своим "крестным отцом" в искусстве пения. У меня школа вокала итальянская, но душа русская...

— Борис Тимофеевич, барельеф маршала Жукова на стене гостиной оперного певца для людей несведущих может показаться весьма неожиданным. Скажите, а если бы Георгий Константинович не оказался на том самом выпускном вечере, который так круто изменил вашу жизнь, мог бы в таком случае сидеть сегодня напротив меня не звезда оперной сцены, а генерал ВВС?

— Бывший генерал — а почему бы и нет? Многие, кто со мной учился тогда в авиашколе, стали генералами.

А в ту самую авиационную спецшколу я попал лишь по одной причине: время было голодное, отец погиб в 1942-м под Ленинградом, надо было как-то кормиться, учиться. А тут — казенное обмундирование, питание, а главное — возможность получить среднее образование. Без него моя мечта о консерватории могла остаться мечтой.

Так вот, на выпускном вечер нашей авиашколы приехал сам маршал Жуков, командовавший тогда Уральским военным округом. После концерта меня подвели к маршалу, и я услышал совершенно неожиданное:

— Таких, как вы, Штоколов, в авиации много. А вам надо петь...

Я тогда даже и думать не мог, что слова эти круто изменят всю мою жизнь. Меня распределили в Серпуховское авиационное училище, но проучиться и нескольких месяцев не успел: меня вызвали в поллитотдел и объявили, что Жуков решил меня демобилизовать и направить в Уральскую консерваторию имени Мусоргского. За это я ему и благодарен всю свою жизнь. Если бы не он — не было бы артиста Штоколова, это уж точно!

Кстати, позже мы с маршалом Жуковым несколько раз встречались, а последний раз я видел своего "крестного отца" за год до смерти. Написанные зелеными чернилами теплые слова в мой адрес — храню особенно бережно...

— А правда, что вы служили вместе с Валентином Пикулем на Соловецких островах?

— Он был чуть старше и в школу юнг на Соловках попал в первый набор. Я же оказался там позже, в 44-м году, но жил, как потом выяснилось, в той самой землянке в поселке Советское, которую строил и в которой жил Пикуль. Его письма тоже хранятся в моих архивах.

— А вам помогали близкие знакомства с известными людьми?

— Нет, звания, награды приходили ко мне сами собой. Хотя, чего греха таить, был и я в какой-то мере угодником, улыбался, как и все, кому надо, ибо многое в нашей жизни зависело от расположения вождей. Но сейчас заискивание перед чиновниками носит просто уродливый характер. У меня же страх перед властью жил с детства, с 1938 года — тогда отца объявили врагом народа.

— Как это случилось?

— Отец командовал в Новокузнецке местными осоавиахимовцами. Как-то на учениях они нечаянно вытоптали засеянное поле. Вот и все. Этого было достаточно. Так что в детстве я чувствовал себя затравленным волчком, жил со страхом, а оттого хотелось самоутвердиться. Сбежал в школу юнг, служил потом электриком на кораблях Балтийского флота. Именно там сформировался мой характер, — я научился преодолевать трудности.

— А о чем чаще думаете: о прошлом или о дне сегодняшнем? Что тревожит ваше сердце больше всего?

— Знаете, иногда от боли и тревог сердце просто разрывается. И не только возле экрана телевизора, когда смотрю новости. У моего близкого друга в Москве не так давно убили сына. Прямо у подъезда дома. Жуть... А эти страшные убий-

ства в нашем городе? Сколько из них раскрыто? Мой сын, окончивший дирижерский факультет и оставшийся без работы, вынужден подрабатывать извозом.

Приходят на память слова Карамзина о том, что "долговременные несчастья государственные остервеняют сердца и вредят самой нравственности людей". Кажется, людям сумели внушить, что они ленивы, завистливы, склонны к пьянству, лишены способностей. Но разве не эти же самые люди создали своими руками столько достижений?

Я много думаю о детской наркомании, она буквально захлестнула город. Как спасти от этого страшного зла будущее России, когда с экрана телевизора, сам слышал, как идолы молодежи — известные певцы и певицы — спокойно рассказывают об употреблении дур-? Кто за это понесет ответственность?

— Так где же вы черпаете жизненные силы?

— Однажды я прочел, что человек черпает свои силы в роднике памяти. Этим словам и следую. Я верю в то, что если мы все найдем свой родник памяти, корни русского народа снова окрепнут.

— Огромный отрезок вашей творческой жизни — это оперная сцена. Каким видится вам сегодня то время?

— Счастливым! Три десятилетия я пел на сцене Кировского театра, где прожил несколько ярчайших сценических жизней, оставивших неизгладимый след в моей душе. Подумать только, какие масштабные образы довелось создавать — Иван Сусанин, Андрей Соколов, Демон, Руслан, Борис Годунов. Борису я пел тридцать лет, а это тяжелейшая партия для баса на всем земном шаре! Эти образы не могли не оставить след в душе! Помощник скульптора Аникишина подарил мне станок, на котором я лепил образ своего Демона из глины. Вот, смотрите, сохранился снимок, таким он мне виделся — это был Демон-ангел...

— А о чем вы сегодня больше всего мечтаете?

— Хочу успеть написать новую книгу: уже начал над ней работать. Это будет не просто книга, а книжка-фильм. В ней я хочу рассказать не о себе. Паваротти, например, написал книгу о том, какой он великий и ни слова о том, как надо петь, как научиться петь. Я же хочу сделать учебное пособие для тех, кто хочет овладеть тайнами пения. Сам-то я начал учиться петь по маленькой книжечке великого Карузо. Я эту книжечку "Искусство пения" — истрепанную, всю в карандашных пометках — храню как реликвию. И теперь, познав немало таинств бельканто, хочу передать их детям.

Хочу сделать еще и видеокассету, чтобы все то, о чем я пишу, было бы наглядно показано. Уверен, это поможет многим начинающим певцам. Я хочу, чтобы моя книга помогла тем, кто будет по ней учиться, никогда не потерять свой голос.

Голос и книга — вот что останется после меня людям. Согласитесь, это не так уж мало.

Беседу вел
Сергей АЛЕХИН,
соб. корр.

Санкт-Петербург.